

А. И. Попов

ИЗ ДНЕВНИКА ГОЛЛАНДСКОГО РОТМИСТРА

Автор дневника¹ – *Корнелис-Антониус Гайзвайт ван дер Нёттен* (Geisweit van der Netten) (1771–1847), сын Юстинуса-Корнелиса *ван дер Нёттена* и Корнелии *Гайзвайт*. В 1786 г. он был записан на службу в национальную гвардию. Затем стал кадетом в пехотном полку ван Сальма и попал в плен к пруссакам. По возвращении оттуда поступил в австрийский гусарский полк Бланкенштайна, проделал поход против Турции 1788–1789 гг., участвовал в сражении при Фокшанах! Участвовал в походе против Франции в 1792 г., в 1794 г. вернулся на службу в голландскую армию. В 1795 г. стал 2-м лейтенантом 2-го кавалерийского полка, в 1799 г. воевал против англо-русской экспедиции. В 1804 г. произведен в 1-е лейтенанты 2-го полка легких драгун, в 1806 г. – в ротмистры гусарского полка голландской гвардии. После присоединения Голландии к Французской империи его полк стал 11-м гусарским во французской армии. Неттен проделал русский поход в составе 3-го армейского корпуса маршала М. Нея. Он попал в плен 28 ноября на Березине, откуда был этапирован в Витебск, и в конечном итоге оказался в Черном Яру Астраханской губернии.

Неттен вернулся на родину в 1814 г., и при выходе в отставку был произведен в генерал-майоры. Он оказался плодовитым военным писателем, автором множества статей и книг по военной истории. Он также оставил мемуары, до сих пор нигде не опубликованные. Мы значительно сократили подробнейшее описание Неттеном его передвижения по европейским странам, так как это не представляет интереса для россиян. *Цель* работы мы видим в том, чтобы наглядно продемонстрировать читателям достоверность и ценность нового источника, который мы *впервые вводим в научный оборот*.

«15 января – вышел из Арраса с 280 пешими людьми в Оснабург...
16 февраля – [в Гамбурге] обедали у принца Экмюльского [маршала Даву], шестидесяти лет, очень молчаливого и холодного, голова плешивая...
18 марта – в Берлине... *Линденплац со статуями Цитена, Зайдлица, Кайта,*

Шверина и Анхальт-Дессау... **26** – расположились в поместье Бёсфельд... у барона фон Марвица, получили новость о прибытии полковника нашего полка». Поясним, что командиром 11-го гусарского полка был Мари-Жозеф-Фердинанд-*Жерар де Коллаэрт*, которому шел 54-й год².

«**2 и 3 мая** – во Фридберге, расположились в Бломфельде в 2 льё у старого прусского полковника; большие затруднения из-за нехватки фуража. Этот человек, который был очень заносчивым, имел наглость донести на меня генералу Бёрманну, будто бы я взламывал его риги ударом топора... **24** – в полночь я получил приказ, с моей ротой направиться в Ноймарк... Прибыв на место, я узнал, что *мы поменялись бригадами и вернулись в 9-ю под командой генерала Мурье*». Действительно, состав бригад легкой кавалерии 3-го корпуса перед началом войны несколько раз менялся, и в итоге 11-й гусарский полк был переведен из 14-й бригады Фредерика-Огюста Бёрманна в 9-ю бригаду Пьера Мурье.

«**1 июня** – В Бишофсвердене, маленьком прусском городке, я расположился у одного дворянина вместе с подполковником Рено (Renno); в дороге моя рота получила известие, что он переводится в 5-й гусарский и что 2 новых подполковника назначены в наш полк». Поясним, что шеф эскадрона 5-го гусарского полка голландец Жан Рено (Renaud) попадет в плен и будет отправлен в Саратов, проходя через который в июле 1813 г. Неттен еще встретится с ним³. Как тесен мир...

«**17** – в Махисме (?)... мы пришли в это местечко, состоявшее из 6 домов, с 200 карабинёрами и их подполковником, я разместился с ним, его зовут Баркман (Barkman), милейший человек». Наверняка имеется в виду шеф эскадрона 2-го карабинерского полка Филипп-*Гюстав* де Беркхайм, который будет смертельно ранен в Бородинском сражении. Названия местечек и деревень в Польше, Литве и Белоруссии Неттен в большинстве случаев передает неправильно. Для установления степени достоверности его записей мы постоянно сравнивали их с показаниями мемуаристов из 3-го корпуса, полковников Э. Монтескью-*Фезансака* и П. Пельпора, капитана Г. Бонне и лейтенантов из 14-й бригады К. В. Фляйшмана и Ф. В. Кёниха, а также с документами, более 100 лет назад опубликованными Ж. Фабри.

«**25** – мы получили приказ сесть на лошадей, чтобы перейти Неман в Понемуни по 3 мостам в присутствии императора, мы образовали авангард с 6-м шволежерским полком, проделали ещё 8 льё и выставили заставу... **26** – выступили с маршалом крупной рысью и последовали за русскими, но не смогли их догнать. **27** – такой же марш через ужасные болота... **28** – выступили в 2 часа после большой грозы и в 7 часов провели рекогносцировку с двумя эскадронами на берега Вилии, заняли пост в Киргалишках, во владении князя Пузыны, где работали над возведением моста

на козлах для армейского корпуса. **29** – перешел эту реку вброд с моим эскадроном, который должен был поехать разведать дорогу в Вильно и продвинулся до Судервы, где расположился биваками. Ужасный ливень, который обрушился внезапно, затопил наш бивуак и погубил многих лошадей... **30** – этот дождь, который продолжался по-прежнему, *был одним из главных препятствий для движений армейского корпуса, который остался там на следующий день*».

Из документов известно, что 25 июня 3-й корпус дошел до Кормелова, 26-го – до Скурулей, 27-го – до Еве, а из Киргалишек Ней сообщил, что переправа его артиллерии задерживается из-за плохого состояния моста⁴. Начиная с этого сюжета, показания Неттена прекрасно коррелируются с некоторыми зарисовками обер-лейтенанта К. В. Фабер дю Фор и комментариями к ним его сослуживца лейтенанта Ф. Кауслера, также состоявшими в 3-м корпусе.

«Между Киргалишками и Судервой, 30 июня. 29 июня III-й армейский корпус выступил из Еве и под затяжным дождем в полдень прибыл к берегу сильно вздувшейся Вилии возле Киргалишек. Поскольку ведущий через нее мост был сожжен, то, пока не был готов новый мост, заняли бивак на берегу Вилии. Утром 30 июня новый мост был готов, и III-й армейский корпус начал переходить по нему на другой берег реки. Продолжавшийся дождь лил как из ведра и не только превратил наш бивак в болото, но и так размочил землю широко вокруг, что едва можно было продвигаться вперед. На противоположном берегу также натыкались на многочисленные, тянувшиеся параллельно реке, довольно крутые возвышенности, которые следовало преодолеть, чтобы добраться до Судервы. Но по их размякшей почве повозки могли продвигаться лишь с величайшим трудом. Едва только колонна избирала путь через эти возвышенности, как по этому же пути начинали двигаться также орудия и повозки с величайшими усилиями и с помощью двойных упряжек. Они так бороздили и перерывали эту дорогу, что колеса следующих за ними повозок увязали по ступицы и еще глубже, поэтому приходилось искать новый путь, который по тем же причинам вскоре постигала та же участь. При этом погибли сотни лошадей; увязшие в грязи, они обозначили первую пару часов пути III-го армейского корпуса после переправы через Вилию. За один только этот марш он понес столь чувствительные потери в лошадях, что из-за недостатка в упряжках пришлось оставить в депо в Вильно двенадцатифунтовую батарею и половину артиллерийского резерва».

«4 июля – когда я был на сторожевой заставе, 3 крестьянина сообщили мне, что русские, которые подождли свой большой магазин в Свенянах,

двинулись, чтобы нас обойти. Я отослал их к генералу, который тотчас велел протрубить: „По коням!“ , и мы отступили на 4 льё на хорошую позицию, где мы оставались 5-го при большой нехватке продовольствия и фуража во все эти дни; у нас пало много лошадей, а мы вовсе не имели хлеба, кроме того, что давали нам местные жители, что повлекло за собой большой беспорядок. 7 – утром уланский полк приехал присоединиться к нам с *батареей легкой артиллерии*, мы вновь заняли нашу прежнюю позицию. Русские покинули свою позицию в Свенцянах». Упомянутая батарея – это вюртембергская конная батарея №2 капитана Л. Брайтхаупта, где служил Фляйшман; последний упомянул «одного гусара из 11-го голландского полка, который понимал польский язык и был переводчиком у генерала Бёрманна»⁵.

«10 – в 5 часов двинулись в Колтыняны, где неприятель сжег мост и магазины, и я поехал с 100 кавалеристов провести разведку в Довгелишки, чтобы узнать хоть какие-нибудь новости об армии короля Неаполитанского. Дорога в 11 льё с 100 кавалеристов, сильное чувство голода. . . 13 июля – выступили в 2 часа утра, в 7 часов вечера прибыли в Кочевжишки, большой недостаток продуктов, я захватил стадо скота. . .

16 – с большей частью армейского корпуса двигались через местность очень гористую, усыпанную озерами. Пришли на берега озера в Браславе, где восстанавливали *мост, который русские сожгли*⁶. На дурном биваке, где нам не доставало дров и соломы. Остаемся там 17-го. 46-й и 72-й линейные [полки] расположились лагерем на нашем левом фланге в долине. Вечером живописный вид огней биваков, которые образовали великолепную иллюминацию. Ужасы войны, деревни, покинутые жителями, сожженные войсками, дни очень жаркие, ночи очень холодные. Пребывали здесь еще 18 и 19 – *день моего рождения*. . . 21 – выступили в 1 час, чтобы идти в Перебродье в 8 льё. 2-й армейский корпус прошел перед нами; еще 13-го он открыл сильную канонаду перед Динабургом и потерял 500 человек. Большая жара, непостижимая нехватка хлеба и продуктов, за 5 франков отказываются продать маленький хлеб, многие солдаты умирают на дороге от крайней нужды – пожары со всех сторон, прошли сквозь одну горящую деревню; ужасы войны, дома опустошены. . .

24 – Мы проделали 12 льё через хорошо возделанную местность, гораздо более изобильную, чем Литва. . . чтобы прибыть в Полоцк, большой город на другом берегу Двины. Мы расположились биваками в пригороде, отделенном мостом от города, который, казалось, когда-то был хорошо укреплен. Наши люди полностью облегчились и, занявшись грабежом, в предместье предали огню 3 дома и магазин с водкой. Ужасный пожар деревянных домов; я думал, что все сгорит, но, к счастью, в 3 часа утра он закончился. . . Этот город доволь-

но значительный, хорошая площадь, великолепные дома, *величайшей красоты кафедральный собор в готическом стиле, богато украшенный*, очень хороший дворец губернатора. Мы выступили в 2 часа пополудни и следовали по течению Двины по дороге на Москву»⁷. И вновь возникает переключка с зарисовкой Фабер дю Фора и комментарием к ней Кауслера.

Перед Полоцком, 25 июля. «Полоцк, город в Витебской губернии с 4 000 жителей, при впадении Полоты в Двину... После очень трудного марша через заболоченный лес мы добрались до него вечером 24 июля и заняли бивак перед ним. День спустя мы оставили его и продолжили свой марш в Бешенковичи, оставив слева Полоцк, юго-восточная сторона которого с ее церквями и башнями при утреннем освещении представляла чрезвычайно дружелюбное зрелище. Прежде всего, выделялись *коллегия и церковь иезуитов*, единственного ордена, который тогда еще существовал в России. Здесь он имел свою главную резиденцию, наряду с орденской типографией и местопребыванием главного настоятеля, 44 священников, 46 студентов и 29 коадьюторов».

«27 – для того, чтобы прибыть в Витебск, мы прошли по большой дороге, где *вчера* имело место серьезное дело, чтобы выбить русских из города; дорога, как и тропинки в лесу, были усыпаны трупами. *8-й гусарский здорово отличился, взяв 8 артиллерийских орудий*, он имел 250 человек, вышедших из строя». Напомним, что этот подвиг 8-го гусарского полка 25 июля под Островно подробно описан Ф. Сегюром⁸.

«28 – вюртембергский полк и 4-й шассерский произвели прекрасную атаку и убили 100 гусаров и казаков у неприятеля». Действительно, в тот день Ней сообщил Бертье, что «26 числа сего месяца 14-я бригада на правом берегу Двины имела весьма приличное дело, которое стоило неприятелю 180 человек. Генерал Монбрён особенно похвалил генерала Бёрманна и полковника 4-го шассерского полка Бульнуа»⁹.

«30 – выступили в 3 часа утра вместе со всей кавалерией генерала Себастьяни, у которой мы образуем авангард, чтобы идти атаковать противника, который направился в Лиозно, довольно значительный город на маленькой речке, где $\frac{1}{2}$ жителей составляют евреи, остальные – русские, которые бросились в бегство. С большой предусмотрительностью сохранили это место от грабежа, так что мы нашли там запасы. Мы расположились биваками впереди города, на кладбище... Гусары мародерствуют повсюду, чтобы добыть себе пищу, из-за этого *167 человек остались позади, полковник совершенно потерял голову и не знает, что делать*. В армии великий голод». Действительно, от исходных 636 человек личного состава в 11-м полку к 1 августа осталось только 439 человек и 350 лошадей.

К тому времени 9-я бригада Мурье уже находилась в Любавичах и выслала к Россасне разведку из 200 человек¹⁰.

«6 августа – выступили в Елисеево в 3-х льё впереди, где мы находимся в линии между армией короля Неаполитанского и отрядом генерала Себастьяни. Рискованная позиция впереди и слева от одной деревни с единственным нашим полком; хороший бивуак, спим под крышей в риге... *В полдень мы получили приказ вернуться на наш прежний бивак в Любавичах, чтобы пройти инспекторский смотр перед маршалом 8-го.*

7 – в 2 часа утра я был командирован с пикетом из 100 человек, а спустя минуту полк получил приказ выступить вслед за мной – я двинулся в Елисеево с подполковником Моттэ, там полк остался, а я *с еще одним эскадронам* должен был направиться в Любы и Дворище. Довольно сильная канонада известила, что там идут схватки; это был генерал Монбрён, который с кавалерийским полком был атакован 9 000 гусар и казаков. Я находился на посту в $\frac{1}{4}$ льё [1 км] от поля боя, позади возвышенностей. Бой был очень упорным, но напоследок наши вынуждены были ретироваться с большими потерями, хотя и в хорошем порядке... Бригада Бёрманна направилась вперед, чтобы прикрыть отступление. В итоге я оказался один на чрезвычайно опасной позиции; тем не менее я оставался там только до наступления ночи, когда получил приказ приблизиться *к другому эскадрону*, и перед рассветом мы отступили к полку, стоявшему в Елисеево».

Речь здесь идет об известном бое при Молевом Болоте, который произошел 8 августа совсем рядом с эскадронам Неттена, который лишь чудом не попал «под раздачу». Правда, он немного напутал с хронологией. На самом деле 7 августа по приказу Нея Мурье велел 11-му гусарскому полку вернуться из Елисеева в Любавичи; он также выслал 100 человек в Могильно и пообещал на следующий день прибыть с бригадой в Одрино для проведения смотра. Но в ночь на 8 августа он приказал 11-му полку вновь вернуться в Елисеево и направил *один его эскадрон* в Любы, а *другой* в Дворище¹¹.

Далее Неттен пишет: «Мы оставались **8-го** довольно спокойно со всей бригадой, я был счастлив, ибо *генерал считал наши два эскадрона потерянными*. 5-й и 9-й гусарские [полки] понесли большие потери, *пруссские уланы покрыли себя славой*. **9, 10 и 11** – мы повернули *вперед* в Могильно, где оставались 3 дня». Действительно, французские генералы Сюберви, Себастьяни и Монбрён рассыпались в похвалах командиру прусского уланского полка. По приказу Нея бригада Мурье 10 августа *отошла назад* в Могильно.

«13 – в Покельне, мы выступили в 4 часа утра, прикрывая движение армейского корпуса. Мы прибыли на место, где, как полагали, находится

неприятель; мы готовились к сражению, а он ретировался, и в 4 часа мы заняли позицию. В 9 часов вечера мы выступили в полной темноте и после 4 часов марша приблизились к Днепру и оставались там до рассвета вместе с огромной массой войск». Поясним, что ночью легкая кавалерия 3-го корпуса расположилась у д. Герасименки, где 8-я рота 1-го батальона понтонеров наводила мост на козлах.

Далее Неттен пишет: «14 – перешли Днепр в с. Красное, атаковали пехоту. Там имелся мост, предназначенный для пехоты и артиллерии, кавалерия должна была перейти Днепр вброд, который имел почти 100 шагов ширины и протекал в очень глубоком и крутом русле». И вновь его запись хорошо коррелируется с зарисовкой Фабер дю Фора.

«Переправа через Борисфен, 14 августа. Утром 14 августа III-й армейский корпус после короткого марша достиг правого берега Борисфена (Днепра) недалеко от Хомино, лежащего на левом берегу. Здесь были приняты все меры для осуществления переправы. В высоком и крутом берегу были вырыты три спуска, ведущие к реке; два для артиллерии и кавалерии, один для пехоты. Два первых рода войск должны были перейти реку через брод, последний – по мосту на козлах. Необозримый парк из орудий и повозок всякого рода съехался на правом берегу, ожидая переправы. Давка там, как и среди войск возле спусков, была ужасной, так как никто не руководил последовательностью переправы, и каждый старался отрезать другого от въезда. Эта давка еще более усиливалась, когда время от времени впереди стали раздаваться орудийные выстрелы, и все заторопились добраться до левого берега, чтобы наконец, после столь многих многотрудных маршей, померяться силами с неприятелем. Этот артиллерийский огонь доносился от авангарда Мюрата, который теснил отряд казаков, пытавшихся разрушить мост через речку, впадающую в Днепр, на дороге, ведущей в Красный».

Неттен продолжает: «Была соединена бесчисленная кавалерия, более 200 эскадронов с приданной легкой артиллерией, следовало преодолеть множество сложных дефиле. *Более мы не видели противника, но слышали в различных точках сильную канонаду.* Мы двигаемся весь день и в 5 часов вечера прибываем в одну маленькую деревню... где сражаемся на самом деле. Наконец противник был вынужден ретироваться и оставил нам хорошую позицию, *бригады Бёрманна и наша получили приказ ехать вперед и атаковать неприятеля, который ретировался.* Мы по 4 [человека в ряд] последовали рысью по дороге на Москву. После $\frac{3}{4}$ часа пути мы выехали на равнину *справа от дороги, где нашли массу из 4 000–5 000 человек пехоты, 200 кавалеристов и 4 пушек.* Мы атаковали ее в сомкнутых полковых колоннах, но ни мы, ни 6-й гусарский, ни бригада Бёрманна не смогли вло-

миться в эту храбрую пехоту, хотя в нескольких повторных атаках проникали в их ряды и убили множество людей ударами сабель и пик; она совершила отступление, которому покровительствовала ночь. В 3 бесплодных атаках мы потеряли 8 убитых и 21 раненого, моя лошадь получила удар ядром, а я – в цепочку моего кивера; мы расположились биваками на поле боя».

Действительно, легкая кавалерия 3-го корпуса атаковала пехоту отряда генерала Д. П. Неверовского лишь вечером, тогда как первые атаки на нее вели кавалеристы генерала Э. Груши под руководством маршала Ж. Мюрата. Он же возглавил затем атаки легкой кавалерии 3-го корпуса, что и изображено на очередной зарисовке Фабер дю Фора.

«Впереди Красного, 14 августа. После полудня 14 августа Мюрат и Ней достигли Красного, маленького городка, удаленного на 46 верст от Смоленска, который пытался защищать полк русской пехоты. Выбитый из городка дивизией Ледрю, он поспешно отступил по дороге на Смоленск к находившейся позади него в процессе отступления массе пехоты из 5 000–6 000 человек, которая была поддержана кавалерией и артиллерией. Это была дивизия Неверовского. Местность, на которой она была застигнута врасплох, представляла собой широкую пашню, покрытую плодами, стерней и снопами, так что она была неудобна для кавалерийских атак. Маленькая речка с глубоко размытыми берегами и разрушенный мост разделяли сражающихся, а трудности при переходе массы кавалерии через это дефиле дали Неверовскому время привести себя в хорошее оборонительное состояние и из своей пехотной дивизии образовать одну единственную плотно сомкнутую колонну-каре. Едва это было исполнено, как его кавалерия была опрокинута и рассеяна, его двенадцатифунтовая батарея захвачена, а сам он был подавлен стремительными кавалерийскими атаками, следовавшими одна за другой. Неверовский отступил со своим каре, но своим спасением он был обязан не столько очевидной стойкости своих войск, сколько бурным атакам Мюрата, нетерпеливость которого не позволила ему воспользоваться содействием артиллерии. Поскольку всякий раз, как только *королевская вюртембергская 2-я конная батарея* приближалась на эффективный картечный выстрел и как только она открывала огонь, чтобы проделать брешь в этой человеческой массе и тем самым открыть путь кавалерии, так стремительная храбрость Мюрата поведет полк за полком перед батареей против этой человеческой толпы, в которую они много раз врубались, но не смогли прорвать, а бреши в ней всегда вновь бесследно исчезали. Это повторялось от позиции к позиции, пока Неверовский наконец не отыскал в одном лесу дефиле, через которое он ускользнул, прикрытый с фланга и тыла, и с потерей пары тысяч человек поспешил на спасение Смоленска».

«15 – продвинулись вперед на 3 льё от Смоленска... Император проехал через лагерь со всей своей гвардией, а мы взяли путь через поля и прибыли ночью. Видел мсьё де Талуэ (Talhout) из 6-го *гусарского*¹², вся армия находится в движении и дороги заполнены пушками и войсками». Далее Неттен кратко описал сражение за Смоленск: «16 – начало сражения, мы были отосланы в одну деревню на левом фланге, чтобы противостоять корпусу из 30 000 человек. Вернулись в полдень, а в 3 часа прибыли на нашу прежнюю позицию; мы постоянно располагались у Днепра, не встречая неприятеля, который был отброшен уланами гвардии и карабинёрами, как рассказали Дюбуа и ван Хассельт». Речь здесь идет о стычках у Катани, в которых действительно участвовали 1-й (польский) и 2-й (голландский) шволежерские полки гвардии, к которым позже присоединилась бригада Мурье. Голландские шволежеры подтверждают, что встретили здесь соотечественников из 11-го гусарского полка; затем сюда же прибыли *карабинёры* из корпуса Монбрёна¹³.

«17 – сражение за Смоленск. Мы были отосланы влево для наблюдения, чтобы помешать неприятелю беспокоить левый фланг; ущелья и пропасти ужасные. *Две наши бригады занимали левый берег Днепра*, чтобы наблюдать правый фланг неприятеля, оба берега окаймлены горами, оврагами и лесами, вдалеке находилась равнина. Ужасная канонада и непрерывная ружейная стрельба продолжались с 3 часов утра до ночи. *Живописное зрелище, которое являл нам бой, огонь вспыхнул в городе, который горел весь день и ночь*, к вечеру пригороды были захвачены и ночью противник покинул город». Уточним, что утром того дня к бригаде Мурье в Катани был направлен вюртембергский батальон легкой пехоты № 1; вместе они отразили несколько атак казачьих партий. И вновь переключка с Фабер дю Фором, только Неттен наблюдал эту же картину гораздо дальше от Смоленска.

«**Перед Смоленском, 17 августа, 10 часов ночи.** «... Только поздняя ночь положила конец борьбе, большие человеческие жертвы которой никак не соответствовали достигнутым результатам. Теперь открылось новое зрелище. Из города, от которого мы со своего бивака не видели ничего, кроме куполов кафедрального собора, поднялись вверх, как горные вершины, многочисленные столбы огня, которые все более и более увеличивались и наконец собрались в большой сноп огня, который осветил ночь дневным светом, далеко озарив прекрасные поля под Смоленском. Эта картина, при теплом дуновении воздуха прекрасной летней ночи, напомнила вулканическое извержение Везувия; и мы полностью предали очаровательному обману, не думая ни о серьезных обстоятельствах, при которых мы

все это видели, ни о виновнике пожара, и вовсе не догадываясь, насколько роковым он станет для нас по своим последствиям».

«18 – оставались на позиции с нашими 2 эскадронами, *утром бригада Бёрманна перешла через Днепр вброд*, разместилась на берегах и выслала сильную разведку на другой берег, противник направил туда войска, чтобы сопротивляться. Это дало повод для сильного огня стрелков и орудий, чтобы прикрыть ретираду нашей кавалерии с того берега... 2 гусара из 8-й роты дезертировали к неприятелю. Ночью несколько казаков перешли реку и потревожили бригаду Бёрманна, канонада продолжалась весь день, постепенно удаляясь». Действительно, 14-я бригада к западу от города переправилась через Днепр, но, встреченная жестоким огнем, была вынуждена ретироваться.

«22 – выступили в 4 ½ часа утра, чтобы продвинуться вперед на 6 льё по дороге на Москву, пройдя через ровную местность, окаймленную хлебными полями и слабо возделанную; мы прошли только через две полностью сожженные деревни. *В целом местность гораздо менее возделанная и обжитая, чем до Смоленска. Большая жара, немыслимая пыль, происходящая от почвы, состоящей из столь легкой земли, что она подобна пеллу*». Эту ситуацию описали многие мемуаристы, причем с обеих противоборствующих сторон.

«23 – выступили в 3 часа и следовали по дороге на Москву... 24 – следовали по той же дороге и остановились через 4 льё, чтобы позволить пройти 3-му корпусу, в котором мы образовали арьергард; проход войск продолжался весь день и ночь, на дороге в Москву повстречали много раненых, местность невозделанная и песчаная. На марше на 8-й гусарский [полк] внезапно напали казаки, и он потерял 60 человек.

25 – бригада Бёрманна присоединилась к нам, так же как *6-й уланский и вюртембергские шассеры*; эти последние, будучи на наблюдательных постах на Днепре, в городе, где мы были 16-го, были атакованы казаками, которых они отбросили и убили старшего офицера, но и сами имели ранеными 3 офицеров и несколько человек. Мы выступили утром и в 3 часа сделали остановку, чтобы позволить пройти 3-му корпусу, в 6 часов вечера мы продолжили марш и двигались до Дорогобужа, куда мы прибыли в полночь. Страна невозделанная, поросшая вереском; *ужасная пыль*, бивак плохой и без фуража; повстречали шволежеров вестфальской гвардии. Город был сожжен, мы вели разведку по плохим дорогам». Заметим, что бригада Мурье утром вновь присоединилась к 3-му корпусу.

«26 – Выступили в 6 часов утра, *перешли через Днепр* перед городом, который оказался весьма значительным, остановились в ½ льё отсюда и пропустили кавалерию. После одного часа марша я был размещен со сво-

им эскадронам на обсервационном посту на левом фланге; мы возобновили марш в 3 часа пополудни и *еще раз перешли Днепр*. Мы следовали по большой дороге до 8 часов вечера, когда вступили на бивак, *поблизости от одного прекрасного поместья, первого, которое я видел в России*. Песчаная дорога ведет через вересковые заросли, порушенные деревья и леса, мало возделанных полей». Поясним, что 11-й полк был послан для установления связи с войсками генерала Э. Богарнэ в с. Засижье *на другом берегу Днепра*, куда затем из Усвятья был направлен *голландский же 2-й шволежерский полк гвардии*; думается, что это было сделано не случайно. Зарисовку упомянутого Неттенем поместья оставил второй «живописный свидетель» русско-го похода А. Адам.

Адам. Главная квартира Богарнэ в Заселье. «Вечером 25-го прибыли мы в Заселье и заняли квартиры в прекрасном, большом поместье, построенном из камня в прекрасном стиле – великая редкость в этом походе».

«27 – мы снова тронулись в путь в 3 часа утра и последовали по большой дороге. Мы двигались 3 часа, когда мы и один полк вюртембергских шволежеров были высланы влево, чтобы послужить охраной императора, который расположился в весьма красивом поместье. Мы покинули эту позицию в 4 часа пополудни и двигались до наступления ночи; *перейдя Днепр* возле его истоков, мы поехали расположиться биваком на холме, поросшем густым кустарником.

28 – в 3 часа протрубили: „По коньям!“; две наших бригады выступили по дороге на Москву; после 3 часов пути прибыли в весьма укрытое место, где нам сообщили о близости неприятеля. Мы расположили впереди пеших и конных стрелков и двинулись вперед довольно широким фронтом; местность позволяла идти в колонне по два эскадрона, вюртембергская легкая артиллерия поехала разместиться позади нашего полка, после чего мы двинулись вперед; неприятель ретировался после того, как мы обменялись несколькими выстрелами из карабинов. Множество кавалерийских полков выдвинулись вперед, и мы разместились в виде буквы Т на левом крыле армейского корпуса.

29 – выступили утром и двигались 6 часов вперед по дороге; повстречалось необъятное количество войск, после 5 часов марша мы приняли вправо и... остановились перед маленькой речкой, где разламывали мельницу, чтобы построить мосты; мы перешли ее вброд и прибыли в город, называемый Вязьмой. Арьергард неприятеля был отброшен корпусом короля Неаполитанского, а мы покинули сильную позицию, полагая, что она будет занята 4-м корпусом, и поехали занять бивак в одном из пригородов. Большой голод в течение 3 дней, ни водки, ни хлеба... 30 – Выступили в 3 часа утра и отбросили неприятеля на дороге на Москву. Догнали его в 3 часа

пополудни, и это повлекло за собой продолжительную перестрелку между нашим авангардом и его арьберггардом¹⁴.

1 сентября – выступили ранним утром, *наша бригада была назначена составить часть авангарда*; мы упорно преследовали противника посредством продолжительного боя до небольшой речки. Я был выслан с эскадронном, чтобы осветить правый фланг. Местность представляла из себя необъятную равнину, усеянную лесами, на которой неприятель занял позицию и твердо ее удерживал, пока орудия не выбили его оттуда. Большая колонна кавалерии появилась на нашем правом фланге, несмотря на это, мы постоянно продвигались вперед и взяли большой город Гжатск. *Русские сожгли мосты и подожгли магазины*, мы прошли через огонь и перешли речку. Мы заняли позицию в 1 ½ льё справа от города, а казаки, как показалось, хотели нас обойти. Наша бригада получила приказ направиться туда. При приближении к лесу, оттуда выскочила туча казаков с ужасными криками, опрокинула наших застрельщиков и окружила нас; мы держались твердо, и, хотя они устремились на наш фланг и тыл, они не отважились отрезать нас. *Они привели в беспорядок вюртембергских шассеров*, но наша стойкость остановила их, когда уже наступила ночь, и несколько пушечных выстрелов принудили их отступить, а мы вернулись на наш бивак с 3 ранеными и 5 убитыми или ранеными лошадьми».

Действительно, вюртембергский конно-егерский полк короля №4 расположился на биваках в двух часах пути от Гжатска. Неожиданно из леса выскочила превосходящая числом русская кавалерия и ударила во фланг полку. Но полковник С.В. Мюнхинген тут же сориентировался, своевременно собрал свой полк и с помощью шволежерского Лейб-полка №2, быстро примчавшегося на помощь, отбросил русскую кавалерию.

«**2** – растах. Император сообщил, что мы находимся накануне генерального сражения. Весь день мы с бригадой оставались на позиции возле деревни за изгородью, имея напротив себя в ½ льё лес, в котором находились казаки; наши пикеты и аванпосты стояли в одной линии напротив них.

3 – мы постоянно находимся на позиции. Утром казаки приехали вести перестрелку с нашими постами, будучи поддержаны протяженной линией кавалерии; они постепенно распространялись на наш правый фланг, но увидев, что ничего не изменяется, ретировались. Эти казаки являются истинными нумидийцами Ганнибала, они очень цепко сидят на своих маленьких лошадях, их оружием является пика в 11 футов. Они атакуют небольшими отрядами по 5 или 6 человек с ужасными воплями, крича во всё горло: „Ура! Ура! Хи-хи!“¹⁵, пытаясь постоянно вас обойти и никогда не дожидаясь выстрела, опасаясь огня, как и все азиатские народы, и не опасаясь, когда их обходят

с тыла. Они не имеют ни экипировки, ни обмундирования, как и клады на своих лошадях, которыми они управляют с помощью веревки, или, скорее, недоуздки. Они соскакивают на землю и оставляют их щипать траву, а при первом выстреле каждый издает особый крик, по которому каждая лошадь прибегает к своему наезднику. Мы много пострадали от недостатков в течение 8 дней, когда мы маневрировали от рассвета до заката – ни распределения продуктов, ни фуража, которым является лишь небольшое количество соломы, которую ещё нужно ехать искать за 3 льё».

«5 сентября – наступали в непрерывном бою, атаковали казаков. Мы отправились в путь с 2 бригадами авангарда и 6-м шволежерским, тотчас мы столкнулись с неприятелем, который отступал и сопротивлялся на каждой позиции, нас яростно обстреливали из орудий, ядра падали в наши ряды, не причиняя вреда. В полдень он потеснил наших стрелков, 2 из наших эскадронов получили приказ атаковать возвышенность, где хотели разместить батарею. Мы продвинулись слишком далеко и получили картечные выстрелы, которые привели нас в беспорядок. В то же самое время *толпа казаков выехала из оврага, чтобы атаковать нас вместе с красными гусарами и драгунами*. Они окружили нас и атаковали со всех сторон таким манером, что мы имели 126 человек убитыми, ранеными или взятыми в плен и 93 лошади; среди них были 6 офицеров, из которых *двое попали в плен – капитан Маршан и 1-й лейтенант Кречмар*; капитан Рубер ранен 7 ударами пик, так же как 3 других офицера. Я был атакован одним казаком и одним драгуном, но, убив первого, я избавился от второго».

О разгроме 11-го гусарского упомянули многие мемуаристы, но у *Неттена он описан подробнее всего и, самое главное, он согласуется с рапортом генерала Коновницына*, где сказано, что голландцев атаковал Изюмский гусарский полк (имевший *красные доломаны*) и что в бою был взят в плен *адъютант маршала Нея*, каковым и был упомянутый Неттенном капитан 11-го полка *Маршан-Лилле*. Оба офицера, попавшие в плен, упомянуты в одной из наших с С. Н. Хомченко статье¹⁵. Как, однако, тесен мир...

«7 сентября – в полночь выступили к захваченной возвышенности, вся армия выстроилась под звуки военной музыки, в то время как зачитывали прокламацию императора. Сражение началось в 4 часа и длилось до ночи, *мы имели 1 офицера убитым и 6 ранеными, и мы вышли из боя с 46 людьми*. Генерал Мурье ранен, генерал Монбрён ранен 6-[фунтовыми] ядром, генерал Коленкур убит, полковник 11-го шассерского убит позади нас. Все войска дефилировали *в парадной униформе* с великолепной музыкой и криками „Vive l'empereur“. Тотчас после простых выстрелов стрелков последовали выстрелы из пушек. Мы были размещены позади молодого леса, который

мягко покрывал склон холма, на котором были размещены наши пушки, напротив большой батареи из 82 русских орудий, погода для нас была хорошей.

Мы могли различать все то, что происходило, мы видели многие атаки нашей кавалерии, ядра и гранаты унесли у нас множество людей и лошадей, мы произвели движение вперед в лес, но не могли там оставаться по причине непрерывного огня. Спустя час мы получили приказ разместиться справа, на открытой местности, чтобы поддержать артиллерию, где в течение 4 часов мы были выставлены под обстрел неприятеля, который убил у нас много людей, и так как противник, казалось, захотел захватить наши орудия, мы продвинулись вперед и атаковали его. *Мы перешли через очень глубокий овраг и понеслись рысью; мы нашли три батальона, свернутые в очень большие каре* и построены позади оврага в лесной поросли, имея овраг перед собой, поддержанные огромной линией кавалерии. В то время, когда мы наступали, их артиллерия обстреливала нас картечью, так что отнимала у нас от 7 до 8 человек разом.

Между тем мы продвинулись вперед до 150 шагов от этой пехоты, которая ожидала нас с ружьями в руках, но, осознав невозможность добиться успеха на виду у массы кавалерии, мы сделали полуоборот, тогда мы избежали точки попадания ружейных пуль, которые ударили как град. К счастью, мы восстановили фронт так, что наши пушки смогли действовать, а наше поведение внушило уважение неприятелю. Лошади командира шволежеров и нашего полковника были ранены, *я оказался командиром полка...* Я стойко держался до того, как получил приказ возвратиться на свою прежнюю позицию; огонь, который продолжался постоянно, *сократил наш полк до 42 человек*. Я получил удар ядра, который сорвал орла с моего кивера. Наконец огонь перед нами ослаб, и атака возобновилась, вдохновленная императором, который проезжал через ряды. Исход этой баталии, который колебался весь день, был решен в нашу пользу ночью отступлением русских, которые, ретировавшись, уступили нам поле сражения. Оно, должно быть, было самым кровопролитным... Поле сражения было усеяно трупами людей и падалями лошадей, орудия вели настолько непрерывный огонь, что не было слышно ружейной стрельбы. Между тем наибольшие потери были с русской стороны, так как *все их раненые, оставленные на поле боя, умерли там из-за недостатка помощи*. Лейтенанты Ламбрехтс и Виденкеллер были там убиты. Оттуда мы поехали занять биваки в лесу, где у нас отсутствовало все, было очень холодно»¹⁶.

Действительно, с утра легкая кавалерия 3-го корпуса участвовала в атаках на северный Семеновский люнет, а 11-й гусарский полк, накануне сильно потрепанный, был, как видно, оставлен прикрывать артиллерию.

Около полудня 9-я и 14-я бригады перешли Семеновский овраг и атаковали каре 1-й бригады 4-й пехотной дивизии генерала Е. Вюртембергского.

«**8 сентября** – мы получили приказ короля Неаполитанского *соединиться под командой генерала Бёрманна*. Мы поехали расположиться биваками на поле боя, на неводеланном участке земли, где не было ни воды, ни фуража... **9-го** король Неаполитанский захватил город Можайск с 6 000 русских раненых». Напомним, что, по данным многих иностранных источников, *в городе, странным образом оставшемся невредимым (!)*, было брошено от 6 до 10 тыс. русских раненых.

«**10 сентября** – вышли в полдень и долго шли из Можайска 7 льё по дороге на Москву до небольшой деревни Щелковка, куда мы прибыли ночью. Большая нехватка зернового фуража, который был уже собран, а все деревни сожжены казаками, которые заставляют всех жителей оставлять города и деревни... **11 сентября** – выступили в полдень и проделали 5 льё по дороге на Москву, мы прошли через *многие сожжённые деревни, где сгорело множество людей, которые, будучи ранеными, укрывались в домах*». И вновь вспоминается зарисовка Фабер дю Фора, которую мы поместили в материалах конференции 2014 г.

«**12 сентября** – выступили в 10 часов и двигались 7 часов до города... с великолепными постройками, расположенного на реке, где неприятель сжег мост, все деревни на большой дороге сожжены. Большой голод, я ничего не ел за 24 часа, кроме ржи, сваренной в воде. *Генерал Вальмабель получил командование нашей бригадой*». Действительно, штабной полковник и адъютант маршала Нея Жан Брессон *де Вальмабель* 10 сентября был произведен в бригадные генералы и назначен командиром 9-й бригады вместо раненого генерала Мурье.

«**14** – мы выступили в 8 часов утра, после того как прошло множество кирасир. Мы приняли вправо и следовали по большой дороге; после некоторого времени марша противник начал обстреливать нас из орудий, но наша артиллерия заставила его довольно живо отступить. Много снарядов упало в наши эскадроны, но не причинило вреда; мы продвигались вперед очень сильно, даже рысью, прогоняя их стрелков. Наконец мы прибыли к очень крутому оврагу. Мы постоянно предполагали, что будет генеральная баталия, особенно когда увидели проезд императора, одетого в серую шинель и сидящего на лошади Изабель, но вскоре распространилась новость, что депутация москвитов принесла ключи от города. Мы постоянно двигались в нерешительности, когда эта новость сделалась правдоподобной при виде двух покинутых сильных редутов для 50 орудий. Наконец мы обнаружили позади одной возвышенности колокольни Мо-

сквы. Нам стало очевидно, что вся русская армия ретировалась с такой поспешностью, что костры ещё горели на их биваках. Это – сенсация, которая повлияла на дух всех людей, была невыразимой, это событие оценивали как конец наших страданий. Мы приближаемся к воротам и располагаемся биваками между избами на поле... Император вступил туда со своей свитой в 6 часов вечера...

15 сентября – утром остаемся на позиции перед воротами Москвы, в полдень гвардия вступила туда в парадной униформе... **17 сентября** мы двинулись маршем в 6 часов утра и прошли другую часть окрестностей города, которая еще не пострадала от пожара, который продолжался вчера весь день и ночь с чрезвычайной свирепостью. После нескольких часов марша мы поехали расположиться биваками на небольшом расстоянии от города, та часть, которую мы прошли, была наполнена поместьями и хорошими домами... **18 и 19 сентября**. Мы остаемся на позиции, огонь продолжается непрерывно... Пожар приписывают сволочи (canaille) и казакам, которые предали огню все магазины, а также 2000 грабителям, выпущенным из тюрем, которым русские перед своим отступлением возвратили свободу. Эти презренные людишки, чтобы иметь возможность грабить в городе, где больше не было полиции, развели огонь сразу в пятидесяти местах, которые невозможно было потушить из-за отсутствия пожарных насосов, которые русские все увезли или разломали...

С **16 по 26 сентября** мы остаемся на биваках в полулье от города возле предместья, где мы имеем провизию, которую разыскиваем в городе... **24** – прибыли наши обозы, так же как лейтенант Брандт, настолько ослабленный тяготами и страданием, что он умер на следующий день; безрассудство этого человека не дало ему вернуться скорее на свою родину. *Неприятель причиняет нам большой урон отрядами, которые рыскают по нашим тылам*, они захватили в эти дни на дороге из Можайска в Москву обоз из 8 пушек у эскадронов одного маршевого кавалерийского полка и разбили гвардейских драгун с потерей 240 человек, не считая некоторого числа мародеров и фуражиров, которые удалялись слишком далеко». Речь здесь идет о нападении 22 сентября на Смоленский тракт возле Перхушкова партий из отряда генерала И. С. Дорохова (при этом присутствовал Фабер дю Фор и оставил зарисовку), а также о разгроме им 25 сентября отряда гвардейских драгун майора Л. И. Марто у с. Бурцево. Упомянутый Неттенем лейтенант Брандт действительно умер 25 сентября.

«**30 сентября** – близость неприятеля влекла за собой то, что ездить за фуражом отваживались только с оружием, и то, что наши лошади должны были постоянно оставаться оседланными и навьюченными. Мы полу-

чили приказ, согласно которому мы должны обеспечить себя на месяц овощами и фуражом, что нам будет очень затруднительно сделать. Я жил здесь как Робинзон Крузо на своем острове, я привел в порядок свою хижину, чтобы провести там зиму. Я сколотил конюшню и навес для фуража»¹⁷.

Подводя итоги, заметим, что подавляющее большинство приведенных нами отрывков из дневника ван дер Неттена совпадают с показаниями других источников, как мемуарных, так и документальных, что однозначно свидетельствует, что записи ротмистра весьма реалистичны. Лично мы не единожды пожалели о том, что этого источника не было в нашем распоряжении лет 20 назад, когда мы начинали изучать многие упомянутые в нем сюжеты...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Algemeen Rijksarchief – DEPOT. Collectie 142. Geisweit van der Netten. Niv. №31–32. №1067 (en néerlandais).

² *Lassus H., de*. Historique de 11-e régiment de Hussards. Valence, 1890. P. 246; *Quintin D. et B.* Dictionnaire des colonels de Napoléon. P., 1996. P. 219.

³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 190об.; *Ведель К.А.* История одного офицера // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814... СПб., 2012. С. 483, 489, 490.

⁴ *Fabry G.* Campagne de Russie, 1812. P., 1900. Т. I. P. 38, 68, 92; *Fleischmann Ch. W.* Denkwürdigkeiten eines württembergischen Offiziers aus dem Feldzuge im Jahre 1812. В., 1892. S. 12.

⁵ *Fabry G.* Op. cit. P. 267, 349, 373; *Fleischmann Ch. W.* Op. cit. S. 12–13.

⁶ 15 июля Ней сообщил из Браслава, что мост будет восстановлен в течение ночи (*Fabry G.* Op. cit. P. 514, 552).

⁷ Фляйшман пишет: «24-го в 11 часов мы двинулись от Полоцка и в 8 часов вечера раскинули бивак» (*Fleischmann Ch. W.* Op. cit. S. 14).

⁸ «25 июля Мюрат со своей кавалерией двинулся к Островне. В двух часах [пути] от этой деревни Домон, дю Куэтлоске и Кариньян с 8-м гусарским полком в колонне повернули на широкую дорогу, окаймленную двумя рядами больших берез. Эти гусары почти достигли вершины одного холма, откуда они увидели лишь малую часть одного отряда, который состоял из трех полков кавалерии русской гвардии и шести орудий. Ни один стрелок не прикрывал эту линию. Командиры 8-го полка полагали, что это два полка их дивизии, которые двигались по полям справа и слева от дороги, чей вид с большой дороги скрывался деревьями, и уже опередили их. Но эти войска остановились, а 8-й гусарский полк, опередив их, продолжал продвигаться, уверенный, что войска, которые виднелись сквозь деревья на удалении 150 шагов, были те самые два полка, которые он, не заметив, опередил. Неподвижность русских окончательно ввела в заблуждение командиры полка. Отдать приказ об атаке посчитали ошибкой; они послали одного офи-

цера на рекогносцировку выстроенных перед ними войск и без малейшего сомнения двинулись вперед. Вдруг они увидели, что их офицер раненным упал с лошади и взят в плен и что неприятельские орудия стали стрелять по их гусарам. Не раздумывая и не имея времени на развертывание своего войска под огнем, они сквозь деревья обрушились на пушки, чтобы заставить их замолчать. С первого же натиска они захватили орудия, рассеяли и уничтожили полк, который был выстроен в центре неприятельской линии. В суматохе этой первой победы они увидели, как справа русский полк, который они обогнали, от удивления оставался неподвижным; они развернулись, атаковали его с тыла и также рассеяли. Во время этой второй победы они заметили, что третий полк на левом фланге неприятеля, который, смутившись, пришел в движение и попытался начать отступление; они произвели удачный поворот и со всеми гусарами, которых они в спешке сумели собрать, обрушились на этого третьего противника во время его движения и также рассеяли его. Вдохновленный этой победой, Мюрат преследовал неприятеля в зарослях до Островно» (*Segur Ph. Geschichte Napoleon's und der Großen Armee im Jahre 1812. Stuttgart, 1835. Bd. 1. S. 181; Сегюр Ф. Поход в Россию: Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003. С. 39–40 (жутчайший псевдоперевод столетней давности).*

⁹ *Fabry G. Op. cit. P., 1900. Т. II. P. 288; Miller M. Darstellung des Feldzuges der französischen verbundeten Armee gegen die Russen im Jahr 1812... Stuttgart-Tübingen, 1822. Th. I. S. 38, Beilage. S. 5.*

¹⁰ *Fabry G. Campagne de Russie, 1812: Operations militaires. P., 1902. Т. III. P. 15, 24–25.*

¹¹ *Fabry G. Op. cit. Т. III. 203–04, 361, 363, 413–15, 424–25.*

¹² В 9 часов Наполеон появился перед кавалерией 3-го корпуса, которая в 21 час прибыла на биваки возле Лубни (*Fleischmann Ch. W. Op. cit. S. 20–21; Fabry G. Op. cit. Т. IV. P. 399*). Огюст-Фредерик Талуэ де Бонамур (*Talhouet de Bonamour*) (1788–1842) был шефом эскадрона 6-го конно-егерского полка, а с 4 октября стал его полковником (*Quintin D. ct B. Op. cit. P. 815*).

¹³ Майор Ш. М. Ж. Дю Буа и второй майор Ж. А. К. ван Хассельт из 2-го шволежерского (голландского) полка гвардии. Подр. об этом см.: *Pawly R. Les lanciers rouges. P., 1996. P. 36; Idem. Les lanciers rouges de la Garde... Bruxelles, 2008. Vol. 2. P. 122–23; Попов А. И. Стычка у Катани, или о пользе полковых историй // Край Смоленский. 2012. № 8. С. 3–8.*

¹⁴ Именно с этого дня кавалерия 3-го корпуса опять вошла в состав авангарда, 31-го 14-я бригада по приказу Монбрёна атаковала правый фланг русского арьергарда (*Miller M. Op. cit. Th. I. S. 100; Fleischmann Ch. W. Op. cit. S. 24; Starklof R. Geschichte des königlich Württembergischen vierten Reiterregiments Königin Olga. Stuttgart, 1867. S. 67*).

¹⁵ Ф. Ургуль написал, будто адъютант Нея «Marchant-Billet (du 11-e Hussards)» погиб 7 сентября, а А. Мартиньен указал, что в тот день он был ранен. На самом же деле, «Маршель Лиле (Marchant-Lillet)» и «барон Вилен Кречмар (Wilen Kretshmar)» провели плен в Оренбургской губернии (*Hourtoulle F. G. Borodino – La Moskowa:*

La bataille des redoutes. P., 2000. P. 80; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 234–35; Попов А. И., Хомченко С. Н. Установление авторства анонимных мемуаров // Эпоха 1812 г. / Труды ГИМ. Вып. 166. М., 2007. С. 221).

¹⁶ В 11-м гусарском были ранены полковник Коллаэрт, шефы эскадрона Мотте и Пэзан де Ла Мотт, капитан Гайзвайт ван дер *Неттен*, лейтенант ван Нийвенхайм, су-лейтенанты Брандт, Бастерс ван Зуйлен и Эделин. Ван Виденкеллер (Wiedenkeller) был лейтенантом 8-го гусарского полка (*Martinien A. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire, 1805–1815*. P., 1898. P. 626, 629–630; *Lassus H., de*. Op. cit. P. 177; *Hourtoulle F. G.* Op. cit. P. 84).

¹⁷ Пельпор вспоминал: «30 сентября маршал Ней поручил мне командование всеми элитными ротами дивизии Разу, чтобы *произвести рекогносцировку* по дороге на Владимир» (*Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes*. P., 1857. Т. II. P. 34).